
БИБЛИОТЕКА
ИЗДАНИЙ
И КНИЖЕК

ДЖУБАН
МУЛДАГАЛИЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ТҮВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1969

С2
М90

Редакционная коллегия:

**А. ДЕМЕНТЬЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, ВАС. ФЕДОРОВ**

413—69

7—4—3

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Казахские поэты занимают одно из почетнейших мест в общем строю всей нашей советской поэзии. Много внесено нашими казахскими братьями в общую сокровищницу поэтической культуры нашей страны.

Автор этой книги — Джубан Мулдагалиев — один из ведущих поэтов Казахстана. Его страстная, пламенная песня слышна не только по всей степи казахской, но и по всей нашей стране и за ее рубежами. Устами Джубана Мулдагалиева говорит современный — советский — казах, и говорит на весь мир.

Он пришел в литературу с выстраданными мыслями и отстоявшимися впечатлениями о ратных подвигах своих сверстников — детей народов Страны Советов. Он заявил о себе как поэт, глубоко знающий думы и чаяния своего поколения, его взлеты, его запросы...

«...Приверженность простым людям, восхищение их обыденной жизнью, полной земной романтики, — особенность творческой манеры Дж. Мулдагалиева. При этом его стихи окрашены мягким юмором, пронизаны добротой. Скупыми красками, но зримо, эмоционально рисует поэт джигита из аула, влюбленного в родную степь с ее вольным простором и душистой травой, не щадящего себя в работе и готового иногда похвастаться перед знакомыми девчатами.

«...Великая русская поэзия вскормила и взлелеяла соками общественной мысли поэзию всех братских народов нашей страны», — так пишет большой знаток казахской литературы — поэт и критик Такен Алимкулов в предисловии к книге Джубана Мулдагалиева «Байга».

Выросший в советские годы, участник Великой Отечественной войны, поэт и общественный деятель, Джубан Мулдагалиев всеми порами своими впитал воздух новой жизни своего народа, он полной грудью вдохнул пафос советского периода жизни своих земляков, и на крыльях этого пафоса его поэзия летит высоко и далеко. Поэма Мулдагалиева «Песнь о песне» в переводе Константина Ваншенкина дошла до всех народов нашей страны.

В этот небольшой поэтический сборник мы попытались включить только часть избранных стихотворений поэта. Но и эта часть, нам думается, дает представление о запахах земли поэта, родной его степи, о характере и темпераменте его народа, о масштабах современной жизни казахов, о глубоком духовном мире самого автора.

Михаил Львов

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

Мой первый крик едва был слышен в гуле
Орудий, перестроивших миры.
Немало лет сменилось в карауле
С тех дней, с той героической поры.

Привычки уступили место новым.
Друзья теперь иные. Вкус иной.
Но это нестареющее слово,
Как первая любовь, всегда со мной.

Оно, в ушах гремевшее набатом,
Будило наш безграмотный аул.
Им измерялось мужество солдата,
И лишь к нему тянулся древний кул*.

Да, большевик
Живет для счастья многих,
В своих делах и помыслах высок.
Он, если трудно, не свернет с дороги
И вдоль разрежет тонкий волосок**.

Большевики,
Как рыцари свободы,

* Кул — название казахского рода.

** Выражение, обозначающее высшую справедливость

Как люди замечательной судьбы,
Водили в бой не армии — народы
И жгли сердца дыханием борьбы.

Большевики!

Они и в нашу пору
Повсюду на ветру, а не в тепле.
Их детство — знаменитый залп «Авроры»,
Их юность — коммунизм на всей земле.

Мечтам отцов одолевать преграды,
Их светлым мыслям
Не зайти в тупик.
Звучали прежде высшею наградой
Два слова — «беспартийный большевик»!

Большевики!

Теперь мы словом этим
Все чаще называем стариков,
Хоть у страны родимой на примете
Немало молодых большевиков.

Нет, слово не на пенсии!

Едва ли

Каким другим мы будем так горды.
С ним погибали мы и побеждали,
С ним полнили партийные ряды.

Не зря в степи Тайпакской

И отвагу

Им люди измеряют до сих пор
И рост наш от младенческого шага
До выхода в космический простор!

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

У благодарности в плену,
к нему пришел я
на свиданье,
боясь нарушить тишину
своим взволнованным дыханьем.

Глубокой думой осеня,
противник фальши, враг елея,
он, потрясенного, меня
спокойно
встретил в Мавзолее.

Хоть в давний миг,
жестокий миг,
Ильич ушел от нас навеки,
я знал, он на сынов своих
глядит сквозь сомкнутые веки.

Ведь неспроста
в сердца проник
могучий свет в багровых бликах.
И я стоял,
как ученик,
перед учителем великим.

Мы все
минуты этой ждем:
одолевая расстоянья,
и, проходя перед вождем,
проходят люди испытанья.

Проходят здесь его века
и совесть высшая планеты.

В какой-то миг
моя рука
сама коснулась партбилета.

Коснулась, дрожи не тая,
как бы священного чего-то.
В нем жизнь моя,
в нем честь моя,
мои дерзання и заботы.

И пусть потом
с учеником
не скоро встретится учитель. —
как большевик с большевиком,
навекы мы неразлучимы!

БАЙГА

1

Я помню степь без края и предела
И первую байгу свою, когда
Мчал на коне мальчишка загорелый,
Как небо прочертившая звезда.

Мчал, словно вихрь, у солнца на примете,
Взбивая серый прах под небеса.
В ушах звенел неугомонный ветер,
И слезы набегали на глаза.

И стремяна блестели в пыльной выюге...
Я для того, чтоб ветром не снесло,

А может быть, и просто от испуга
Отчаянно держался за седло.

Мой конь пришел последним...
С громким плачем
Спустился я с усталого коня...
Доныне тот экзамен столько значит
И столько будет значить для меня!

2

И снова память в сердце бьет копытом,
К тому из дней протягивая нить,
Когда я всеми признан был джигитом
И рад был гору набок своротить.

Уж я теперь-то не зальюсь слезами,
Не уступлю награды никому.
Теперь я с честью выдержу экзамен
В лихой и славной скачке кыз куу! *

Красавицу, конечно, догоню я!
Пусть знатоки с усмешкой говорят,
Что в трепетном девичьем поцелуе
Таятся сладкий мед и горький яд.

И вот она --- волшебно перья выются
Над гривой тонконового коня.
Мы оба с ней — готовые схлестнуться
Два языка единого огня.

Какое счастье мчаться с нею рядом!
Красавица ожгла — мол, кто кого! —

* Кыз куу — буквально «погоня за девушкой».

Коня камчой,
Меня мгновенным взглядом,
В котором промелькнуло озорство.

И обнялась с коричневой метелью.
И, вскрикивая, в грохоте копыт
За этой удаляющейся целью
Рванулся раззадоренный джигит.

Рванулся за красавицею следом.
И вот уж я, пьянея без вина,
Глотая пыль, надеясь на победу,
Руками к ней тянусь со скакуна.

Ах, как меня надежда обманула:
Я у мечты остался за спиной...
А девушка у вехи повернула,
Теперь она торопится за мной.

Бежать? Но как решиться на такое?
Короткий миг — и вот уже с плеча
Сжимаемая девичьей рукою
Стегает по бокам меня камча.

Да, нежный лебедь, блещущий красою,
Вдруг превратился в ястреба тогда.
Я проиграл, камчой исполосован,
Сгорало в небе солнце от стыда.

3

Доныне продолжается мужанье,
Хоть день за днем скрывается в пурге.
Я оценил тогда соревнованье,
Когда пришел последним на байге.

Борьба и приз — ближайšie соседи.
То ласкова, то праведно строга,
Ведущая к заслуженной победе
Вся наша жизнь — великая байга.

Она ни в чем обмана не допустит...
А жизнь поэта! Мне ли одному
Превратный путь к высокому искусству
Напоминает скачку кыз куу?

Навек забудь о сне и о покое,
В объятых славы ветреной молчи,
Гонись за ненаписанной строкою
И смейся под ударами камчи.

Над собственной растерянностью смейся
И вновь копи уверенность в груди.
Мой стих всегда готов рвануться с места:
Ведь счастье скачет где-то впереди!

СТЕПНАЯ НОЧЬ

Вот и вновь ты, ночь моя степная,
Покоряешь дивным волшебством.
Я уюта большего не знаю,
Чем забыться под твоим крылом.

Я во всем могу тебе открыться.
Помнишь, в те далекие часы,
Как на травах, на ее ресницах
Серебрились капельки росы?

Ночь степная!
С самого рожденья
Ничего я лучше не знавал.
И вдыхаю воздух с наслаждением,
Словно пью целебный саумал *.

Отдаюсь твоей тревожной ласке,
Как юнец, что от нее отвык.
Наблюдаю, как в знакомой пляске
Шелестит одеждами тростник.

И дурманит аромат полыни,
Заставляя все забыть на миг.
До чего ж богат он и поныне,
Край степенный прадедов моих!

Круглые глаза холмов...
Сумей-ка
Описать их этим вот пером.
Свод небес — как будто тубетейка,
Вышитая звездным серебром.

Ну, а как Земля предстанет взору,
Если глянет на нее Луна?
Знаю, не серебряным узором —
Золотым расписана она.

Ах, не зря ты, ночь моя степная,
Покоряешь дивным волшебством!
Расстелись от края и до края
И укрой меня своим крылом.

Обними, как в юности, за плечи...
Сталь грохочет, травы шевеля,

* Саумал — парное кобылье молоко.

И, похоже, в ожиданье встречи
Чуть дрожит родимая земля.

Мирный рокот трактора—не пушки.
Но, вступая в общий разговор,
Хрипнут, задыхаются лягушки
В хлябях многочисленных озер.

Теплый ветер
Над простором рыщет,
Выбирая песни наугад.
И, поражены обильем пищи,
Утки вороватые кричат.

Трактора, лягушки, утки, ветер
Будут дружным хором,
Как всегда,
Петь, пока зарею на рассвете
Не займется ночи борода.

Каждый куст спешит росой умыться.
Тысячи огней в степи горят,
Словно бы из самых светлых мыслей
Соткан этот красочный наряд.

Ночь моя!
Глухой не окажись ты,
Открываясь редким светлякам.
Я желаю озаренной жизни
Всем моим друзьям и землякам.

Как стихи, необозримым роем
Годы надвигаются опять.
Перед тем, как я глаза закрою,
Мне бы снова звезды повидать.

Ночь степная!
Той порой меня ты
Под крыло прими и успокой.
Не меня ли девушка когда-то
Укрывала так своей косой?!

АЛМААТИНКА

По горным склонам извиваясь шало,
Крутой разбег беря издалика,
Сады, цветы и травы орошая,
Несется эта бурная река.

С уступа на уступ,
Дорогой старой,
Под стать тэке*, она стремится вдаль.
Ее вода от бешеных ударов
Дробится на осколки, как хрусталь.

Взлетают к небу брызги то и дело
И опадают росами, легки,
На гибкое, порывистое тело
В каньоне негодующей реки.

Ее прохлада — как прохлада леса.
Воды вкусней и чище в мире нет.
Недаром многочисленные ГЭСы,
Борясь с рекою, излучают свет.

Когда снега покоятся устало,
Ветра на рысь готовы перейти.

* Тэке — горный козел.

А если дрогнут подо льдами скалы —
Сметает сель * преграды на пути!..

Поток свирепо выгибает спину,
Послушен только буйству одному.
Но чаще, право, мирные картины
Здесь открывались взору моему.

Река мне пела песенку простую,
Душой следил я час и два подряд,
Как пенятся стремительные струи
И глухо, угрожающе шипят.

Но горы принимают в ней участие.
Она без них, подобно сотням рек,
Лишилась и порыва бы и страсти,
Как робкий и безвольный человек.

Порыв — ее талант.
Не потому ли
Она, с уступа на уступ летя,
Порочна в необузданном разгуле
И все-таки невинна, как дитя.

Ведь от нее, пути продолжив ярко,
Арыки многочисленной гурьбой
Переплелись,
Как будто ветви яблонь,
Как линии ладони трудовой,

Как мужества солдатского морщинки..
Так будь всегда задорна и легка,
Моя любовь, моя Алмаатинка,
Прекрасная рабочая река.

* Сель — поток камней и грязи.

КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА

Я ее невоспетым достоинствам предан,
И величию мечты, и крылатости дум.
Как же мог про нее отдаленный мой предок
Говорить:

— Волос долог, да короток ум?..

Может, он потому так бахвалился праздно,
Что его бороды не трепала жена,
Что ни божьим речам, ни шайтанским соблазнам
Поддаваться в тоске не хотела она.

Может, предок считал нашу женщину годной
Лишь на то, чтоб трудиться в поту и в пыли.
Может, так заявлял, видя девушек гордых,
Что к мужьям без приданого все-таки шли.

И еще говорил, по известной причине
Наслаждаясь сомнительной мудростью той:
— Лучше медною быть голове у мужчины,
Чем у женщины будет она золотой!

Много лжи ты впитал, отдаленный мой предок!
Но ведь женщине светом обязан любой!
Темный предок!
Давай хоть теперь, напоследок,
Не спеша обо всем потолкуем с тобой.

Неспроста вспоминаю с трудом годы те я,
Когда мяса кусок доставался не всем.
И любой человек строил дом, богатея,
А казах брал жену и платил сорок семь *.

* Подразумевается сорок семь голов скота в качестве калыма.

И над ним восходили глубокие очи!
И хоть знал он, что мир хорошел от трудов,
Может быть, потому и не думал о прочем,
Пас стада и не строил больших городов.

Был заносчив.

Но, чтя стародавний обычай,
Полагал, что житье без детей не житье.
Усмехался:

— Сокровища — вражья добыча!
А потомство — богатство людей и мое!

Ах, мой предок, да разве б сумел ты героев
Сам таких воспитать, чтоб боялись враги?
И недаром, жену избивая порою,
Умудрялся ей крикнуть:
— Глаза береги!

Ах, мой предок,
Тебя обвинять я не стану
Ни за жен, ни за строгий семейный режим.
— Лучше множество жен, чем лихим

донжуаном, —
Возразишь ты, — таскаться по женам чужим!..

Знаю, сердце пленяла твое не любая:
Потому и не твой он — напраслины грех.
Жен бывало в избытке у ханов да баев,
Но любви добивались они не у всех.

Не могли поселить все сокровища мира
Беспокойства у женщины нашей в душе.
И стояли на страже добра, как батыры,
Наши бабушки, наши степные аже*.

* А же — матриарх рода.

Бедных женщин казахских порою далекой
Время гнуло в бараний закрученный рог.
Лишь они не таили лица на востоке,
Хоть судьба не пускала народ на порог*.

Как Сара, удивляли мудрейших акынов,
Были судьями, пикой встречали врагов.
Над арыками гнули усталые спины,
Пели песни в садах у речных берегов.

Боль народная —
Вот во что, предок мой, часто
Превращалась жена твоя в отчем краю.
Но, хоть хан да коран не сулили ей счастья,
За отвагу аже уважали мою.

О еде ли зайдет разговор, о коне ли,
Дед — к жене, словно разум особый ей дан.
Усмехался, робея в душе перед нею:
— Знать, рождается матерью и великан!

Наши женщины,
Бед претерпевших немало,
Я за силу и ум почитать вас готов.
Если вы покоряли крутых феодалов,
Как же нам не склонить перед вами голов?!

Пусть жилось вам тогда, наши матери, плохо
На просторах родных, но жестоких степей.
Вы сумели, однако же, к светлой эпохе
Смело вывести темных своих сыновей.

* Место у порога юрты самое непочетное, там сидели бедняки.

Не могу на казашку никак надивиться:
Знать, недаром такие в степи рождены!
Этой женщине гордой, как будто царице,
Я стихи протяну с покоренной Луны.

ЖЕНЕШЕ *

Здравствуй, юности надежда!
Ты грустна — и потому
дай-ка я тебя,
как прежде,
по-сыновьи обниму.

Женеше, в былые сроки
я с тобою рядом рос.
Ты одна из двух
далеких,
двух любимых мною лоз.

Рано стариться нам, право,
в этой жизненной пурге.
Улыбнись же вновь
лукаво,
наша славная женге.

Обмануть судьбу нет мочи:
вон и проседь в волосах.
Меньше солнца,
больше ночи
вижу я в твоих глазах.

* Женеше — старшая невестка,
которая обычно была другом и
поверенным девушек и джигитов.

Шутки

вытеснила старость.
А от прежней красоты
на лице твоём остались
только тусклые черты.

Но упряма память взгляда...
Мы к тебе
сто раз на дню
добираться были рады,
хоть шагая по огню.

Мы с тобой косили сено,
стерегли в ночи овец.
Знали:
словом сокровенным
успокоишь под конец.

Улыбался нашим песням
даже тот,
кто был суров.
Ты казалась всех чудесней
в суматохе вечеров.

Ты была ключом от чуда,
ты смыкала две руки.
И вокруг тебя
повсюду
мы вились, как мотыльки.

Что ж ты смотришь
так уныло
и не скажешь ничего?..
Знать, характер твой сломило
сиротливое вдовство.

Та же степь,
да сны не те же...
Перед мертвыми в долгу,
чем же я тебя утешить,
женеше моя, смогу?

Ну, заплачь — придут силы,
зарыдай,
под стать пурге.
Или ты меня забыла,
незабвенная женге?..

Расскажи про все обиды.
Ах, в тебе на этот раз
я, как в зеркале,
увидел
самого себя сейчас.

Все я понял:
взгляд глубокий
мне ответил на вопрос.
Ты одна из двух
далеких,
двух любимых мною лоз.

ТЫ СНИЛАСЬ МНЕ

Мы свиделись во сне, а не воочью:
Одетая то ль в мрамор,
То ль в туман,

У изголовья сына поздней ночью
Стояла ты, родная анажан*.

Как хлопок в летний зной, ссутуля спину,
Молчала.

А в глазах—холодный мрак.

И в самую суровую годину

Ты все-таки не выглядела так.

И я решил великую загадку,

Открыл потусторонности секрет:

Уж коль такому ангелу не сладко

В раю,

То, значит, рая вовсе нет.

Я видел на лице печальном, белом

Следы мучений горьких и тревог.

А в жизни ты ни разу не посмела

Сказать:

— Как я умаялась, сынок!..

О многом говорили мы в молчанье,

Хотя твой мир и прятался во мгле.

И тихий взгляд был сыну завещаньем

Простой и честной жизни на земле.

Я дум заветных от тебя не скрою

В тоске о всепрощающей любви.

Ты хоть во сне коснись меня рукою,

Опять своим ягненком назови.

Ягненок!..

Не забыто это слово...

* Анажан — мать (ласкательное).

Подругу мне корить не довелось,
Но те, чьи мамы живы и здоровы,
Во всем как дети до седых волос.

Сердца не различает расстоянье,
Всегда твоим я светом осиян.
Так что же ты стоишь, как изваянье,
И уст не размыкаешь, анажан?

Не уходи!..

Под вечер и спросонок,
Забыв о сложной и большой судьбе,
Твой одинокий маленький ягненок,
Как встарь, родная, тянется к тебе!..

Когда очнулся, озираясь сонно,
Измучен, обессилен и устал,
В окно сияло утреннее солнце,
А я корпе * безмолвно обнимал.

Была подушка в наволочке строгой
Мокра от слез, как от росы степной.
И мать уже моих детей
В тревоге
С платком в руке склонялась надо мной.

ВКУС СОЛИ

Скажу везде я
И скажу всегда —
Еда без соли —
Это не еда.

* Корпе — стеганое одеяло.